

Глава 14

Словно желая окончательно развеять сомнения Линь Ци, Ду Чэнъин отбросил былую небрежность. Несмотря на раны, он настаивал на том, чтобы как можно скорее добраться до Хуаюаня. Линь Ци, конечно, не мог этого допустить и силой заставил его остановиться, чтобы подлечиться.

— Хуаюань — твой дом, брат. Мои раны — пустяки по сравнению с этим, — Ду Чэнъин уже переоделся в новое одеяние, скрывшее порезы, но он не мог спрятать смертельную бледность и печать глубокой усталости на лице.

Совершенствующиеся всё же оставались людьми. Каким бы ни был Ду Чэнъин на самом деле, его раны были настоящими. У Линь Ци не хватало духа заставлять его спешить, поэтому он намеренно замедлил шаг.

— Брат, как ты можешь называть такие раны пустяками? Если тебе станет хуже, как я смогу простить себя?

Собеседник молчал, его лицо оставалось бесцветным. Ранение стерло с него обычную резкость и ослепляющую властность, оставив лишь чистую, почти неземную красоту. Он походил на безупречную нефритовую статую — безмолвную и прекрасную.

— Это неважно, — он поднял взгляд.

Густые длинные ресницы лишь подчеркивали глубину его тёмных глаз.

— Тебе не за что передо мной извиняться.

Чем больше он так говорил, тем сильнее Линь Ци мучился угрызениями совести. Поддерживая его за руку, юноша лишь тихо вздохнул:

— Брат, просто послушай меня.

Ду Чэнъин стоял прямо, не пытаясь опереться на Линь Ци, и смотрел сверху вниз на его лицо. Юноша в последние дни почти не спал и толком не ел; те немногие округлости, что ему удалось нагулять, снова исчезли, и лицо осунулось. В сердце Ду Чэнъина что-то дрогнуло, и голос его смягчился:

— Хорошо.

Ситуация в окрестностях горы Лунной Росы оказалась гораздо хуже, чем Линь Ци предполагал. Пытаясь найти ночлег, он надеялся занять хижину какого-нибудь лесного

охотника, но, подойдя к ближайшему двору, увидел распахнутые настежь ворота. Прямо у входа лежало иссохшее тело — явная жертва демонического культиватора.

Ду Чэнъин мгновенно прижал голову Линь Ци к своей груди, закрывая ему обзор.

— Не смотри.

— Я уже всё увидел... — глухо отозвался Линь Ци.

Он не был настолько хрупким. В прошлой жизни он относился к этому миру как сторонний наблюдатель.

«О, этот непись выглядит довольно жутко»

Такие мысли часто всплывали в его голове при виде подобных тел, и он никогда не испытывал страха. Сейчас страха тоже не было, лишь щемящее чувство тоски.

Там, куда не доходил взор «главного героя», этот «непись», возможно, когда-то был счастлив. Но в этой истории он остался лишь фоновым элементом, декорацией, завершившей свой путь в такой ужасной форме.

Линь Ци высвободился из объятий спутника и, глядя на иссохшее тело, тихо произнёс:

— Я должен его похоронить.

— Не ходи туда, — Ду Чэнъин нахмурился и перехватил его руку.

Линь Ци обернулся, в его взгляде читалось крайнее неодобрение, но мужчина спокойно добавил:

— Я сам это сделаю.

Линь Ци замер, его глаза удивлённо расширились. Стоит признать, что после наставлений Системы образ Ду Чэнъина в его сознании всё больше склонялся к «хладнокровию». Он не заботился даже о своих собратьях-совершенствующихся, и Линь Ци никак не ожидал, что тот согласится похоронить простого смертного.

«Неужели он хоть немного изменился?» — с надеждой спросил он Систему.

Ответ был привычно безжалостным:

[Уровень озлобления — сто процентов]

Юноша снова поник.

— Похоже, в этом доме давно никого нет, — Ду Чэнъин толкнул дверь хижины, осматривая скудную обстановку. На стенах виднелись странные тёмные пятна, похожие на копоть. Обернувшись к Линь Ци, он сказал: — Посиди пока здесь. Я похороню его и приберусь.

— Я сам приберусь, — поспешно отозвался Линь Ци.

— Не спеши, — старший брат слегка нахмурился, его тон стал непреклонным. — Просто сиди там, где я смогу тебя видеть.

Линь Ци редко видел его таким властным. Не став спорить, он вспомнил о своей роли «младшего брата» и послушно уселся на невысокую скамью во дворе.

Рядом со скамьей валялись два топора для колки дров, груды щепок и несколько грязных звериных шкур. Линь Ци легко мог представить прежнего хозяина, сидящего здесь, работающего до седьмого пота и разделяющего добычу. Теперь же этот человек, так старавшийся просто жить, превратился в сухую оболочку.

Уся выпустил когти. Одним взмахом лапы он вырыл глубокую яму, вторым — едва не пробил колодец. Ду Чэнъин с бесстрастным лицом поднял тело. Повернувшись спиной к Линь Ци, чтобы тот не увидел безразличия в его глазах, он небрежно, словно мусор, сбросил труп в яму.

Цилинь закопал его, и на месте гибели вырос простой земляной холмик.

Ду Чэнъин отряхнул руки и обернулся. Увидев, как послушно сидит Линь Ци, в чьём взгляде читалась печаль по незнакомцу, он ощутил прилив тепла.

— Заходи внутрь.

Охотник жил один, и убранство хижины красноречиво подтверждало это. Небольшая бамбуковая кушетка в углу, связки вяленого мяса и выделанных шкур, развешанные в беспорядке. Вещи валялись как попало, на столе лежал тонкий слой пыли.

Линь Ци коснулся края стола и задумчиво потер пальцы.

— Когда я уходил в орден, здесь всё было иначе, — пробормотал он.

— Мир непостоянен, — спокойно ответил Ду Чэнъин.

Он достал из рукава мягкий платок и сотворил заклинание. Платок, словно живой человечек, выпрямился, взлетел на стол и принялся энергично носиться по поверхности. Сначала он до блеска оттер табурет. Ду Чэнъин усадил Линь Ци и принялся пристально его рассматривать. Под этим взглядом юноша смущенно опустил голову.

— Осунулся, — негромко произнёс Ду Чэнъин.

Линь Ци промолчал. В хижине воцарилась абсолютная тишина, не было слышно даже шума ветра, лишь мерное дыхание двоих людей.

— Брат, — медленно заговорил Ду Чэнъин. — Тебе не кажется... что такая жизнь была бы прекрасной?

Линь Ци поднял голову и, к своему удивлению, увидел в глазах собеседника искренность.

— Какая жизнь?

Взгляд Ду Чэнъина был сосредоточенным. Обычно он смотрел на Линь Ци с нежностью, но сейчас в этой нежности тлел странный, лихорадочный жар.

— Как у этого охотника. Трудиться от рассвета до заката, жить просто и ясно.

Линь Ци, разрушая момент, буркнул:

— И закончить тем, что демонический культиватор высосет из тебя жизнь?

Ду Чэнъин крепко сжал его ладонь.

— Я не позволю никому причинить тебе вред.

Его пальцы сомкнулись вокруг кисти Линь Ци с такой силой, точно он боялся его отпустить. В каждом движении, в каждом слове этого человека сквозила безмолвная, почти болезненная привязанность.

Линь Ци не выносил подобных сцен. Он попытался высвободить руку, и Ду Чэнъин, почувствовав его намерение, сразу же его отпустил.

Юноша резко вскочил, табурет с грохотом отлетел назад.

— Я устал.

Хижина была крошечной, и он не знал, куда деться от этого гнета. Уся подошел к нему и уселся, приглашая в свои объятия. Линь Ци буквально зарылся в его пушистую шерсть, притворяясь спящим.

Ду Чэнъин долго сидел неподвижно. Магический платок услужливо тер пол у его ног, пока случайно не попал под подошву его сапога. Ду Чэнъин прижал его к земле, и платок отчаянно задергал уголками, пытаясь вырваться. Только после этого хозяин сапога убрал ногу и вышел из хижины.

Снаружи не было ни ветра, ни звука. Тишина стояла пугающая. Ду Чэнъин замер, закрыл за собой дверь и, убедившись, что Линь Ци уснул на спине Циляня, скосил глаза на стену.

Тень у стены дрогнула, отделилась от досок и превратилась в размытый человеческий силуэт. Тень преклонила колени.

— Приветствую, Владыка Демонов.

В тот миг, когда Ду Чэнъин переродился, предсказания горы Лунной Росы обратились вспять, и демоническая энергия в мире резко возросла. Все демонические культиваторы в ту же секунду осознали: их истинный господин вернулся.

Ду Чэнъин холодно взглянул на тень:

— Прочь.

— Великий Владыка, — тень задрожала, но не уходила. — Прошу вас, вернитесь в Царство Демонов.

Владыка Демонов не шелохнулся.

— Мы, демонические культиваторы, долгие годы страдали от притеснений этих так называемых праведных орденов, — вкрадчиво прошептал силуэт. — Господин, разве вы сами их не ненавидите? Царство Демонов ждёт своего правителя. Раньше среди нас были слепцы, посмевающие посягнуть на того, кто в этом доме...

Ду Чэнъин мгновенно схватил тень за горло. Его глаза стали холоднее льда. Сжимая пальцы, он спокойно произнёс:

— Вы не достойны даже упоминать о нём.

Тень рассыпалась в его руках. Из рукава вылетела духовная бабочка и принялась жадно пожирать остатки демонической ауры, кружась в воздухе.

Путь праведности или путь демонов — для Ду Чэнъина не было разницы. Всё это лишь борьба хищников за выживание. Собачья грызня. Если люди едят скот, почему демоны не могут есть людей? Всё едино.

Эти ничтожества вообразили его своим предводителем, преследовали его по пятам... Они так же утомительны, как и Совершенный Мастер Баошу с его навязчивой идеей сделать из него спасителя.

Ду Чэнъин встряхнул рукавом. Создав из демонической ци подобие клинка, он снова с силой ударил себя в рану. Порезы заживали слишком быстро. Избранник небес... какая ирония. Он поднял голову к пасмурному небу и холодно усмехнулся.

«Небесный путь, ты выбрал меня, но это не значит, что я стану тебе повиноваться»

Линь Ци не понимал, то ли он действительно так вымотался, то ли дело было в чем-то другом, но он снова провалился в сон на мягкой шерсти Уся. Когда он открыл глаза, он уже лежал на бамбуковой кушетке, укрытый легким плащом. Сев, он увидел слабое сияние в центре комнаты — Ду Чэнъин сидел там, в одиночестве меняя повязки.

Одежда была спущена до пояса, обнажая крепкие плечи и рельефные мышцы. Тёмная дымка окутывала его тело, а кровь струилась из ран, чернея в тусклом свете. Юноша ощутил почти физическую боль, просто глядя на это, а Ду Чэнъин тем временем совершенно спокойно сдирает присохшие бинты.

— Полегче! — не выдержав, выкрикнул Линь Ци.

Ду Чэнъин обернулся и слабо улыбнулся:

— Проснулся?

Линь Ци вскочил с постели, подошел к столу и забрал бинты из его рук. Голос его после сна звучал хрипло и мягко:

— Почему не позвал меня, если нужно сменить повязку?

— Не хотел тебя пугать, — тихо ответил Ду.

— Меня не так-то просто напугать.

Ду Чэнъин поджал губы и снова улыбнулся. Его взгляд медленно скользнул со лба Линь Ци на его щеку. Он поднял руку и коснулся его лица тыльной стороной ладони. Юноша вздрогнул, но не отстранился.

— Ты чего?

— На щеке... — в голосе Ду Чэнъина послышались смешинки. — Отлежал во сне. Остался след.

Линь Ци поднял глаза. Ему так часто приходилось сталкиваться с подобным поведением Ду Чэнъина, что он наконец решил проявить характер.

— Даже если ты её коснешься, след всё равно не исчезнет.

Старший брат замер от неожиданности. Линь Ци тут же смутился, но, видя редкое замешательство на его лице, упрямо склонил голову и продолжил обрабатывать рану.

Как и положено главному герою, Ду Чэнъин был сложен безупречно. Даже израненный, он излучал мощную мужскую энергетику, а кровь лишь придавала его облику какую-то дикую привлекательность. Юноша невольно задался вопросом: куда подевался весь гарем из этого типичного мужского романа? Почему нет ни одной девушки? Если бы они были, стал бы Ду Чэнъин так донимать именно его?

Мужчина, казалось, был настолько поражён внезапной прямоотой Линь Ци, что хранил молчание, пока тот не закончил возиться с бинтами. Он собрал окровавленные одежды и грязные повязки, хмурясь и бормоча себе под нос:

— Как вообще лечить раны, нанесенные демоническими культиваторами? Может, стоит вернуться в орден?

Ду Чэнъин, до этого хранивший молчание, вдруг произнёс:

— А ты коснись её.

Линь Ци поднял глаза и встретил его улыбку.

— Вдруг тогда рана сразу заживет.

— Ду Чэнъин, — лицо Линь Ци вспыхнуло, но голос остался твердым. Он крепче сжал в руках грязную ткань. — Не говори таких вещей.

Тот смягчил тон, его взгляд стал глубоким и нежным:

— Каких вещей? Что ты мне нравишься?

Линь Ци чувствовал, что его уши буквально горят. Решив идти до конца, он выпалил:

— Я уже говорил: не надо меня любить. И я тебя не люблю.

Услышав это, Ду Чэнъин не расстроился и не рассердился. Напротив, он почувствовал искреннюю радость. Это был первый раз, когда Линь Ци заговорил об этом прямо, без обиняков и уловок.

Ду Чэнъин поднял руку и на глазах у юноши медленно приложил ладонь к его щеке. Линь Ци не отпрянул. Он заставил себя смотреть прямо в глаза мужчине, и хотя его руки и ноги мелко дрожали, он больше не хотел бежать. Между ними ничего не могло быть, и Ду Чэнъин должен был это четко усвоить. Линь Ци нужно было разорвать эти путаные узы и снова стать тем самым решительным координатором.

— Линь Ци, — Ду Чэнъин улыбнулся, и в его глазах блеснул странный свет. — Ты, должно быть, не понимаешь. Мне никогда не была нужна твоя взаимность. Я лишь хочу... чтобы ты жил. Позволь мне быть рядом, в любом качестве. Мне не нужна твоя любовь — мне достаточно того, что мы братья.

— А если... — Линь Ци до боли сжал в кулаке бинты. Засохшая кровь осыпалась, пачкая его пальцы. Он стиснул зубы, заставляя себя быть жестоким. — Если я не хочу, чтобы ты был рядом?

Ду Чэнъин слегка провел ладонью по его лицу. Это было такое простое, чистое лицо. Он закрыл глаза, но этот образ уже был выжжен в его душе. Когда он снова открыл глаза, свет в них дрогнул, точно готовая сорваться слеза.

— Неужели ты так сильно меня ненавидишь? — с горькой усмешкой выдохнул он.

<http://bllate.org/book/15815/1427223>